

Добрый человек из Тарту

Шахматный турнир, посвященный памяти Пауля Кереса, в этом году приобрел поистине международную значимость и собрал множество гостей со всех волостей. В числе именитых шахматистов, приехавших в Таллинн, была и доктор филологических наук Лариса Ильинична Вольперт: единственный международный гроссмейстер среди женщин в Эстонии. Незадолго до этого Фонд эстонского языка издал ее новую монографию – «Лермонтов и литература Франции». А еще в этом году Лариса Ильинична отметит свой юбилей. Так что поводов для беседы накопилось достаточно.

Справка «Вестей Недели»

- Лариса Вольперт родилась в Ленинграде в 1926 году
- Доктор филологических наук, профессор-эмеритус кафедры романской филологии Тартуского университета
- Автор трех монографий и более 150 научных работ. Область научных интересов – «Пушкин и французская литература» и «Лермонтов и французская литература»
- Чемпион СССР по шахматам среди женщин в 1954, 1958 и 1959 гг., второй призер турнира претенденток на матч за звание чемпионки мира 1955 года, международный гроссмейстер по шахматам среди женщин
- И просто очень хороший человек

Строгая мысль шахмат и филологии

- Каким образом вам удалось «впрячь в одну телегу» литературоведение и шахматы, которые традиционно связывают с математикой?

- Связь шахмат именно с точными науками – это легковесное представление. Да, элементы расчета в игре есть, но фантазия и воображение – важнее. И способность к озарению идей. Просчитывать на много ходов вперед трудно, я обычно просчитываю на 2-3 хода, но если есть идея – то могу и на семь-восемь. И в любой научной деятельности шахматы помогают: учат экономии и дисциплине мысли, планированию, приведению всего в порядок. В шахматах выделяют три стороны – спорт, эстетику и научность, и из них мне ближе всего именно научность, строгая мысль.

- А когда и как вы полюбили шахматы? Это пришло из семьи?

- Профессиональных шахматистов в семье не было, мои родители были врачи, но папа и старший брат Женя очень любили играть в шахматы. А я любила за их игрой наблюдать, и постепенно выучила ходы и начала в чем-то разбираться... И стала приставать, чтобы меня научили играть. И когда брат проверил мои «знания» и убедился, что я что-то понимаю, он сказал: «Ладно, научу». И я ходила за ним хвостом и ныла: «Сыграй со мной, сыграй»... А уже потом начала заниматься во Дворце пионеров, стала чемпионкой Ленинграда.

- Истоки любви к шахматам понятны, а литературоведение?

- В 1937 году широко отмечалось столетие со дня гибели Пушкина. Сталину требовалось как-то отвлечь внимание людей от репрессий, и он искал повод. Из памятных дат смогли найти только эту: круглой даты рождения личности соответствующего масштаба не было. Я очень хорошо помню: открываешь газету – и с одной стороны список «врагов народа», с другой – «юбилей смерти» Пушкина. Мне было 11 лет, и я выступила на конкурсе чтецов с «Анчаром» и поняла, что очень люблю читать стихи. Поэтому я пошла заниматься в кружок опять же во Дворец пионеров. А там нас учили не только выразительному чтению, но и работе с художественным текстом. И я пришла от этого в восторг.

- Но почему французская филология, а не русская? Это тоже из детства?

- Дома никто по-французски не говорил. Папа, как образованный человек, мог объяс-

няться на всех европейских языках, но французским свободно не владел. А я еще в школе влюбилась сначала в Виктора Гюго, потом в Романа Роллана, и почувствовала, что хочу изучать французский язык. Вот хочу – и все. А в школе в Ленинграде сначала учила английский, потом, в эвакуации, немецкий. Но у меня был аттестат «в золотой рамочке» (тогдашний аналог золотой медали), и я без экзаменов поступила на романское отделение филфака ЛГУ. Там было две группы: для продолжающих и начинающих. Я начала учить французский с нуля. И продолжала заниматься шахматами, постепенно повышая результаты. Так филология и шахматы и шли у меня параллельно. А сразу по окончании университета я стала членом сборной СССР.

- То есть профессионалом?

- Мы не являлись профессионалами официально, считалось, что в Советском Союзе нет профессионального спорта, но, конечно, были ими. Официально я числилась тренером. И в это же время я прикрепилась к кафедре французской литературы ЛГУ и стала работать над диссертацией. В жизни каждого человека бывают какие-то особенно удачные, счастливые годы. Для меня таким был 1954-й, когда я впервые стала чемпионкой СССР и защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Жан-Ришара Блока.

- А в Псков как попали?

- В Псковском педагогическом институте преподавал мой муж Павел Семенович Рейфман. И в 1962 году я прошла туда по конкурсу.

- Для воссоединения семьи...

- Да, только полное воссоединение удалось не сразу. Потому что в том же году Павел Семенович перебрался в Тарту. И я жила на два города, преподавала и там и тут и продолжала играть в шахматы... И только в 1977 году перебралась в Тарту окончательно. А через два года получила звание гроссмейстера.

Загадочный поэт

- Давайте все-таки поговорим о вашей новой книге. Почему именно Лермонтов?

- В 1981 году вышла хорошая Лермонтовская энциклопедия, и с тех пор монографий практически не выходило, не считая одной. А ведь недавно было 190 лет со дня рождения Лермонтова, и в 2014-м мы будем отмечать его двухсотлетие. И это необыкновенный поэт: интересный, загадочный, во многом опередивший свое время.

- В чем Лермонтов опередил время и в чем его загадочность?

- Он создал новый тип романа – по характеру и психоло-

гизму, по сложности главного героя, по необычности композиции. «Герой нашего времени» – это первый русский и психологический, и бытовой, и авантюрный роман. А «Маскарад» – первая русская психологическая драма. Лермонтов, по сути, предугадал начало XX века, предсказал его поэзию. Александр Блок писал: «Только литература последних лет многими потоками своими стремится опять к Лермонтову, как к источнику; его чтут и порывисто, и горячо, и безмолвно, и трепетно». Загадочность же его заключается в том, что приходится очень много объяснять, высвечивать многие мысли, а это трудно, потому что они сложные и противоречивые.

- «Лермонтов и литература Франции». Актуальна ли тема?

- Тема очень любопытная и малоизученная: творческие связи поэта с французской литературой. Подзаголовок книги – «В Царстве Гипотезы». Потому что приходится очень многое предполагать. Дневников Лермонтов не вел, письма его уничтожались... Например, Бахметьев, муж Варвары Лопухиной, велел ей уничтожить все письма поэта еще до свадьбы. Очень мало автобиографических материалов. И самые близкие друзья Лермонтова не оставили мемуаров.

- А чем Лермонтов дорог лично вам?

- Трагическая судьба... Он сам строил свою биографию, и это ему очень дорого обходилось. Хотя бы стихотворение «На смерть поэта»: Лермонтов понимал, что наказание последует, но он не знал, что оно будет таким страшным.

Ей нравятся люди

- Турнир Кереса в этом году превратился в настоящий международный конгресс шахматистов. Были у вас какие-то интересные встречи?

- Еще бы! Удалось повидаться с теми, кого встречала сравнительно недавно, были люди, которых не видела 50 лет. Они немножко изменились. Повидалась с югославскими шахматистами: в свое время команда Югославии была самой красивой на первенстве мира. Был прием у президента, видела аж четырех министров... А еще – своих студентов, кое-кого впервые за 20 лет. Но и в их компании, и в компании шахматистов, не виденных мною 50 лет, я чувствовала себя молодой.

- В Тарту вы всегда славились добротой и отзывчивостью: спасали от всех бед и болезней, приходили в общежитие с продуктами и подкармливали нас, голодных, заступались за изгнанных из общежития, в вашем доме постоянно жили студен-

ты, а когда не жили – то опять же учились, лечились и кормились... А как вы сами считаете, вы – добрый человек?

- Я – добрый. Мне всегда хочется прийти на помощь. Деньги – это самое малое, что человек может отдать, и я их вообще ценю мало. Необходимо отдавать другим свою силу, свою энергию. То есть должна быть действенная помощь, не на уровне слов. Мне может позвонить студент из Таллинна, сказать, что ему срочно что-то очень нужно, и я побегу для него это добывать.

- А ощущения, что вас используют, не возникает?

- Никто меня никогда не использовал. Позвать на помощь в тяжелый момент – это не значит использовать.

- Создавалось такое впечатление, что вы ко всем одинаково хорошо относитесь. У вас были когда-нибудь студенты, которых вы считали неприятными?

- А как же! Вот один студент во Пскове мне был несимпатичен. Он был антисемитом, а на экзаменах всегда отвечал таким мерзким интимным тоном...

- И все? А в Тарту?

- Не помню. Наверное, кто-то не нравился, но в памяти это не отложилось. Для того чтобы я кого-то так невзлюбила, чтобы об этом потом еще и помнила, это должно быть что-то сверхъестественное. А вообще мне люди нравятся, разные люди.

- Но, наверное, есть какие-то качества, черты в людях, которые вы не принимаете и которых не прощаете?

- Ну, во-первых, это доноительство. Я жила в такое время, когда донос был особенно страшен, что, кстати, я поняла уже потом. И, во-вторых, – как раз антисемитизм. Росла я интернационалисткой, а когда после войны столкнулась с антисемитизмом, поняла, что нужно «признаваться и самоосознаваться»: евреями меня и таких, как я, сделали антисемиты. Я не хочу врать и говорить, что переживаю за все народы мира: да, абстрактно жалко, но... Мне очень дорога Россия, и я переживаю все то, что связано с народами, населяющими ее, когда творится несправедливость. Тяжело вспоминать, как ссылали целые народы – крымских татар, поволжских немцев.

- И все? На этом «непрощаемое» кончилось?

- Ну что еще может быть? Хвастливость, эгоцентризм, навязчивость, местечковость – это все ерунда.

- А завистливость?

- Она в той или иной мере есть у всех. Когда человека создавали, зависть явно подмешали в исходный материал. У кого ее чересчур много – человека надо пожалеть.